

Лойфману – посвящение

В образовании сейчас многое перепутано, искажено, даже фальсифицировано, как в фармацевте, когда вместо чего-то подлинного и желаемого мы получаем подложное (ложь – подложное; фальшивое – фальсифицированное). Подобной трансформации подверглось учительство. Школьные отношения учителя и ученика нередко измеряются достоинством (достоинством денежных знаков) кармана родителей, при этом всё лицемерно маскируется высокими словами. Я думаю, примеров этому наберется куча. В высшей школе – университетах – прагматизм и коммерциализация приводят к тому, что преподаватели не видят студентов. Кажется их (студентов) так много, и они только мешают. А университетское образование – это индивидуализированное общение студента с преподавателем.

В свете всего сказанного осознаешь, каким подарком судьбы была встреча по жизни с И. Я. Лойфманом – Учителем в подлинном смысле этого слова. Чему он учил? Во-первых, он учил мыслить по университетским масштабам. Потому что сам умел мыслить. Иногда это раздражало его коллег. Мне доводилось слышать, как ему бросали в глаза упреки – в схоластичности, сложности, непонятности, оторванности от жизни. Но вот прошли годы, даже десятилетия, появилась возможность сравнить его шлифовку мышления тех, с кем он работал, и обычную по нынешним временам подготовку студентов. Лойфман прививал жесткую, даже жесточайшую логику, когда всё ей (заданной теме) подчинено, никаких отступлений и витиеватостей. Что дает такая логика? В любой сфере деятельности, при решении любой задачи изначально должны мысленно быть развернуты все возможные варианты, а в рамках отобранного варианта должны быть учтены все возможные факторы, из которых выделены существенные (а значит, первоочередные) и второстепенные. Во-вторых, он учил, что в самых свинских условиях жизни важно оставаться человеком. Сколько раз он был бит? Знает только он сам. На моей памяти происходило его моральное (и физическое) уничтожение из-за эмиграции Касвана. Я участница тех событий, когда Лойфмана чуть было вообще не выдворили из университета. Он стоически переносил все эти нападки и, мне кажется, даже испытывал неловкость за тех людей, которые его отваживали. Никто никогда не произносил вслух, но при этом все прекрасно понимали, что он изгой, потому что в пятой графе у него записано – еврей. И он это понимал, и нес на себе этот крест всю жизнь. Он не получил от университета ни метра квадратной площади, потому что понимал: там начнут взвешивать и прикидывать все за и против и всплывет его еврейское происхождение. Он не был способен злиться на людей, он не мог хоть кому-нибудь отказать в просьбе посмотреть их текст, высказать замечания и даже внести правку – даже тем людям, которые открыто делали ему гадости.

* Надежда Васильевна Брянник, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры онтологии и познания УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

При всем этом Лойфман учил чувству достоинства. Он мог проявлять его в интеллектуальной сфере и в отношениях к людям. Вы спросите: как можно проявлять чувство достоинства в интеллектуальной сфере? Лойфман никогда не отмалчивался и не отсиживался при обсуждениях философских проблем. Он всегда выступал, если соглашался, то высказывал дополнительные аргументы в пользу поддерживаемой позиции; если не соглашался, то обстоятельно аргументировал, почему не может принять и квалифицировал неприемлемую для себя позицию. Вот поэтому у него было свое лицо в философии, и достоинство этого лица он и отстаивал.